

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 224–230. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 1, pp. 224–230. ISSN 1998-0817

Рецензия на книгу

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 821.161.1.09"19"-94

EDN XTSYOP

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-224-230>

ПСКОВСКИЙ ТРАВЕЛОГ XIX В.

Рец. на кн.: Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н.В. Большаковой. СПб.: Медиапир, 2025. 438 с.

Неганова Галина Дмитриевна, кандидат культурологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, g_neganova@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

Аннотация. Автор рецензии предлагает критический обзор книги псковских учёных, представляющей собой результат комплексного исследования понятия «псковский травелог XIX века». Каждая часть книги анализируется в ракурсе ключевых аспектов. Отмечается аргументированность и логическая стройность в составлении свода текстов о Псковщине XIX в., объединённых жанром путевых очерков. Подробно рассматривается исследовательская часть книги. Основные векторы раздела, посвящённого специфике псковского травелога – «от содержательной мозаики к целостному образу территориально-культурного пространства», анализируются с акцентом на псковские древности и водные пространства края с привлечением текстов К.И. Арсеньева и П.И. Якушкина. Особое внимание уделено объёмному лингвоэтнографическому комментарию, который рассматривается в ключе нескольких сюжетных линий. Как несомненное достоинство рецензируемой книги расценивается наличие научного аппарата, включающего указатели имён, населённых пунктов и водных объектов, встречающихся в текстах, а также иллюстраций – карт и схем Псковской губернии, литографий и открыток XIX в., фотографий начала XX столетия и современных.

Ключевые слова: русская документальная литература XIX в., травелог, лингвоэтнография, псковские говоры, путевые очерки, К.И. Арсеньев, П.И. Якушкин.

Для цитирования: Неганова Г.Д. Псковский травелог XIX в. Рец. на кн: Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н.В. Большаковой. СПб.: Медиапир, 2025. 438 с. // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 224–230. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-224-230>

Book review

PSKOV TRAVELOGUE OF THE 19TH CENTURY

Book Review: Travel notes as a source of knowledge about the Russian province: Pskov in the 19th century through the eyes of travelers / ed. by N.V. Bolshakova. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2025, 438 p.

Galina D. Neganova, PhD in Cultural Studies, Kostroma State University, Kostroma, Russia, g_neganova@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

Abstract. The author of the review offers a critical overview of a book by Pskov scholars, which is the result of a comprehensive study of the concept of “The 19th-century Pskov travelogue”. Each part of the book is analysed from the perspective of key aspects. The compilation of a set of texts about Pskov Province in the 19th century, united by the genre of travel essays, is noted for its argumentation and logical consistency. The research part of the book is considered in detail. The main vectors of the section dedicated to the specifics of Pskov travelogue – “from a meaningful mosaic to a holistic image of the territorial and cultural space” – are analysed with an emphasis on Pskov antiquities and the water spaces of the region. To do this, we use fragments of the texts by Konstantin Arsen'yev and Pavel Yakushkin. Special attention is paid to a voluminous linguistic and ethnographic commentary, which is considered in the context of several storylines. An undoubted advantage of the reviewed book is its scientific apparatus, which includes indexes of names, settlements, and water bodies found in the text, as well as illustrations such as maps and diagrams of Pskov Province, lithographs and postcards from the 19th century, photographs from the early 20th century, and modern photographs.

Keywords: 19th century Russian documentary literature, travelogue, linguoethnography, Pskov patois, travel essays, Konstantin Arsen'yev, Pavel Yakushkin.

For citation: Neganova G.D. Pskov Travelogue of the 19th century. Book review: Travel notes as a source of knowledge about the Russian province: Pskov in the 19th century through the eyes of travelers, ed. by N.V. Bolshakova. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2025, 438 p. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 1, pp. 224–230 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-224-230>

Ушедший 2025 г. порадовал выходом в свет оригинального издания, которое вызовет несомненный интерес как у специалистов разных областей знаний – филологов, географов, этнографов, историков, культурологов, так и просто у любителей хорошего чтения. Издание, подготовленное псковскими учёными, представляет собой, как указано в аннотации, «результат исследования понятия “псковский травелог XIX в.”» [ПЗ: 2]. Авторы-составители книги – Н.В. Большакова (она же осуществила общее редактирование), И.О. Колосова, М.И. Муратова, Г.И. Площук и А.Г. Разумовская.

Источниковой базой исследования стали вошедшие в первую часть книги 15 текстов как известных, так и малоизвестных или забытых авторов о путешествиях по псковской земле («Тексты» [ПЗ: 11–263]). Перечислим их имена по хронологии повествования: В.М. Севергин, К.И. Арсеньев, Ф.В. Булгарин, Д.И. Мацкевич, А.Е. Розен, К.А. Тимофеев, П.И. Якушкин, Н.К. Отто, Н.И. Костромаров, М.П. Погодин, Р. Каудзите и М. Каудзите, К.К. Случевский, В.П. Желиховская, В. Гейне, В.В. Гейман. Первый текст датирован 1803 г., последний – 1913-м. Среди авторов – государственные служащие, деятели науки, литераторы, рядовые путешественники. Продуманный отбор путевых записей, собранных вместе, как отмечается в аннотации, «создают единый текст ярких впечатлений, непосредственных дорожных наблюдений, рождая в восприятии современного читателя живую картину событий и образов прошлого» [ПЗ: 2]. Во второй части («Справочная часть и комментарии» [ПЗ: 266–420]) псковские учёные, по сути, представляют результаты заявленного комплексного исследования.

В России травелог (от англ. travelogue ‘путешествие’) как вид документальной литературы получил широкое распространение в XIX в. Многие авторы отметились в этом жанре, среди них классики русской литературы: А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, А.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов и т. д. О разных местах России, и не только, оставили путевые очерки такие известные писатели, связанные с костромским краем, как А.Н. Островский, Н.А. Некрасов, С.В. Максимов, П.П. Свиньин и др.

«Путешественники пускались в дорогу для того, чтобы составить представление о природных особенностях территории и её экономическом благосостоянии, социальном и нравственном уровне жителей. Их влекло познание необозримых пространств и народа своей страны, её истории и культуры», –

пишет д-р филол. наук А.Г. Разумовская, рассматривая традиции жанра [ПЗ: 331]. И далее сосредоточивает внимание на специфике содержания псковского травелога XIX в.: «“Дорожный материал”, формирующий псковский травелог, определён значимыми историческими событиями и личностями, ландшафтными и природными особенностями края» [ПЗ: 333]. В первую очередь, это «древности Псковской земли как культурная доминанта путешествий», «пушкинский уголок» и «водные пространства». В данном аспекте рассматриваются тексты академика Севергина, декабриста Розена, писателя и журналиста Булгарина, историка живописи и беллетриста Мацкевича, известного историка Костомарова и др. и выявляются особенности моделей травелога каждого автора. В качестве иллюстрации сравним приведённые исследователем характеристики путевых записей двух авторов, в некоторой степени связанных с костромским краем: К.И. Арсеньева, нашего земляка, уроженца Чухломского уезда Костромской губернии и выпускника Костромской духовной семинарии, и писателя-этнографа П.И. Якушкина, пешком обошедшего Костромскую губернию в рамках его «хождения в народ» в 1840-е гг. – похода по России для собирания народных песен, сказок, преданий и т. п.

В путевых записках Арсеньев, наряду с описанием природы и достопримечательностей современной ему Псковской губернии, приводит «достаточную статистическую информацию» [ПЗ: 336]: «здесь, на пространстве 768 квадратных миль, находится около 650 000 (647 640) жителей: следовательно, по 850 человек на одну квадратную милю»; «из 4 011 459 десятин всего пространства менее половины (1 292 092 д.) считается пахотной земли»; «здесь более болот, нежели лугов и сенокосных пастбищ: болота и реки занимают 264 142 десятины, а под лугами только 195 145 десятин» [ПЗ: 31–32]. Вместе с тем его повествование содержит и эмоциональные описания природы. «В духе романтизма в ней либо намеренно преувеличены таящиеся угрозы: “дикая и унылая” природа вдоль тракта Нарва – Гдов, “дремучие и вековые леса” навевают на путешественников скуку и тоску, подготавливая встречу с “мёртвой тишиной” так называемого Сорокового бора (о легендарной опасности которого упоминают и другие авторы). Либо подчёркнутая пасторальность – в пейзажах на пути от Пскова к Изборску: “зеленеющие поля, холмы и пригорки, и небольшие красивые лесные рощи, по опушке которых везде видны деревни и сёла...”. <...> Пейзажные зарисовки, несущие

на себе оттенок идиллии, сменяются романтически-размышлениями о прошлом Изборской земли, современной “самому детству русского народа”, о чём автор пишет “с благоговейным удовольствием”, – отмечает А.Г. Разумовская. – Ещё больше воображение уносит Арсеньева “в недостижимую даль веков протекших” при приближении к Пскову, описание въезда в который отмечено торжественной риторикой: “Лучи восходящего солнца ослепительным блеском приятно золотили обширный горизонт равнин и полей, стелющихся вокруг города Пскова...”. В памяти автора воскресают тени великих предков – героев и святых, картины многоголосого средневекового города. С элегической интонацией описывается собор святой Троицы – “палладиум псковитян” [ПЗ: 336].

К иному типу травелога относятся путевые письма знатока народной жизни Якушкина, – в них отражён «синтез жизненных впечатлений и научных фольклорно-этнографических наблюдений» [ПЗ: 338]. Писатель-этнограф «запечатлел культуру простого народа, хранящего память о прошлом, зафиксировал его нелёгкий быт, бедность, но отзывчивость и доброту» [ПЗ: 338]. Как и Арсеньев, он рассказывает о Троицком соборе и хранящихся там псковских святынях. Но у Якушкина нет и следа патетики – всё просто до обыденности: «К нам подошли два дьячка, и мы целой толпой пошли в склеп, где похоронены какие-то княжеские дети и пять епископов»; «Потом мне показывали какие-то *покои*: маленький одноэтажный каменный дом, построенный на месте сломанной для этого церкви» [ПЗ: 91, 92]). Якушкин вводит в повествование местные легенды и предания, услышанные от псковских жителей, пространные диалоги. Добавим, что в его тексте тоже приводятся статистические данные, но, в отличие от путевых записок Арсеньева, они носят бытовой характер и связаны с повседневной жизнью крестьян (см., напр.: [ПЗ: 92, 97]). Следует отметить, что текст Якушкина изобилует записями живой народной речи. Изумительное впечатление производят они в повествовании о поездке на Псковское озеро и встречах с ловцами рыбы: «А вот с добрым человеком приехали ваших промыслов взглянуть, как здешние *жихари* (жители) пробывают» [ПЗ: 97]; «Выберут из старших *жерника*, то есть хозяина (главного начальника), да половчей кого *коромщика*; жерника – бросать запас, невод по-нашему, коромщика – управлять ладьёй, а остальные ловцы просто с рукавицами или исполовщики – из части ловят; а не то просто работники, вот тебе и вся *дружина*. <...> ...А зимой ещё бывает комора, его дело стряпать, лошадам воды приготовить, тот на половинной части» [ПЗ: 96]; «При ловце скажи-ко ты про зайца или лисицу... <...> ...Ловцы на это сердятся гораздо: дурная примета, да к тому же у нас дурного ловца *заячнич-*

ком дразнят. Кому надо сказать “заяц” – говори *кривень*, надо сказать “лисица” – говори *хвостуха*, тогда ничего» [ПЗ: 103].

Сведения этнографического характера о рыбном промысле крестьян озёрного края заслуживают особого внимания, ведь, как точно подметил Арсеньев, «по добродушному сознанию самих крестьян, Пейпус (Чудское (иногда целиком Псковско-Чудское) озеро. – Г. Н.) есть кормилец всего заозерья» [ПЗ: 28]. Вне сомнения, читатели с интересом и любопытством будут узнавать об «особенностях национальной рыбалки» в Псковской губернии и не только. Так, об особенностях зимнего лова рыбы, обычно снетка – основной промысловой рыбы на Псковском озере, повествуется в нескольких текстах, причём под различными ракурсами.

В сравниваемых текстах выявляется оппозиция «свой – чужой». Якушкин описывает процесс подлёдного лова от лица местного жителя, речь которого насыщена местными словами и выражениями: «Зимний лов лучше... зимой, пока ещё снег не пал на лёд, сквозь лёд всё видно; вот сделают пролубь, запустят запас и станут тянуть к *корыту* (прорубь, где вынимают невод. – Г. Н.), станут тянуть запас полегонечку, а жерник ляжет ничком на лёд. Нет снетка – жерник лежит смирно; станет показываться снеток – жерник станет подымать ногу; подымет и опустит, подымет и опустит; а как много попадёт снетка – ногу подымет и не опускает; закричит, чтобы тянули запас проворней, кричит, ругает! Тогда и ребятам веселей тянуть; тянут, кричат: “Тяни, ребята, тяни! У жерника нога в стоячень!”» [ПЗ: 102–103]. У Арсеньева тоже имеется описание лова рыбы зимой, но это уже информация стороннего образованного путешественника – «чужого»: «Важнейший лов производится в зимнее время. Целые тысячи крестьян, партиями, более или менее людными, отправляются на промысел, располагаются посредине озера в разных дистанциях и укрепляют на льду для жилья своего берестяные домики, или палатки. В сих берестянках помещается обыкновенно двенадцать человек, а иногда даже около тридцати. С понедельника до субботы всё население окрестных деревень и со стороны Гдова, и от Пскова и Ливонии сосредоточивается на льдистой коре озера: в субботу возвращаются крестьяне к своим семействам с недельною добычею. Иногда улов бывает так счастлив, что одною тонею, или неводом, вытаскивается рыб на триста и более рублей. Всякий деятельный рыболов может в одну зиму заработать до трёхсот рублей» [ПЗ: 27–28]. В отличие от Якушкина, Арсеньев не употребляет территориально ограниченных, местных слов, более того, использует иноязычную лексику, а также индивидуально-авторское слово. Например, встретившийся в процитированном фрагменте термин *дистанция*

вошёл в русский язык относительно недавно в сравнении с датировкой путевых записок (1832), в конце XVII в., но ещё не был представлен в первом толковом словаре русского языка – «Словаре Академии Российской» (1789–1794). Слово заимствовано непосредственно из латинского и посредством польского, немецкого, французского [СлРЯ XVIII 6: 140] (об истории вхождения слова «дистанция» в русский язык, появлении новых коннотаций и новых значений см., например: [Крюкова 2020]). Лексема «берестянка», хотя и известна в псковских и некоторых других севернорусских говорах, у Арсеньева не является диалектизмом: писатель употребил его со значением ‘берестяной домик/палатка’, притом лишь единожды. Сравним: в ПОС *берестянка* толкуется как «*корзинка из бересты*» и «*табакерка из бересты*» [ПОС 1: 181–182]; в Словаре В.И. Даля представлены ещё два значения – «обвитый берестой горшочек» («*влдг. тмб.*») и «берестовая лодочка, на лёгком деревянном остове» («*в Сиб.*») [Даль 1: 83–84]; в СРНГ зафиксировано также значение «узкая длинная лента. *«Берестянку в косы заплетали.* Смол., 1956» [СРНГ 2: 258]. В костромских говорах слово бытует со значениями ‘лукошко, короб из бересты’ (Кадынский, Костромской районы); ‘ёмкость из бересты для хранения продуктов’ (Антроповский, Судиславский районы) [ЖКОС].

В книге представлены тексты других авторов, содержащие не только сведения о зимней ловле на Псковско-Чудском озере, но и отсылки к особенностям промысла в других местностях России. Так, у Н.К. Отто нет описания здешнего подлёдного рыболовства, но отмечается схожесть его «почти во всех чертах и во всём устройстве, имеющем характер общинного, дружинного духа», с зимним ловом «по большим новгородским озёрам, Ильменю и Белому озеру» [ПЗ: 155]. К.К. Случевский, напротив, подробно, с включением в рассказ местных терминов излагает, как и в какой последовательности осуществляется лов рыбы. «Ловят снеток круглый год, самый хитростный и трудный, а по времени самый продолжительный – это зимний лов, от замерзания до вскрытия, – пишет автор путевых очерков. – Тут пускается в ход большой невод, состоящий из матки и двух крыльев, каждое по 150 саж. длины и 8–10 ширины; матка 10 саж. длины и 7 ширины; этот невод со всеми нужными приспособлениями, или то, что называется “большим запасом”, стоит около восьмисот рублей и служит один только год» [ПЗ: 215]. Отмечается, что при таком неводе требуются «шестнадцать рабочих и восемь лошадей» (такие же данные приведены в тексте Отто), помимо «хозяина запаса и управляющего ловлею, или “жерника”; лошадь и два рабочих составляют “гнездо”; все вместе взятые называются “дружиной”» [ПЗ: 215]. Далее ярко, живо описывается процесс лова – от обнаружения

косяка рыб до вытаскивания невода. «Зимний лов с большим запасом очень труден и довольно сложный. Когда лёд окрепнет, то делается где-то прорубь, ловец ложится на лёд и смотрит в прорубь, причём, для того, чтобы яснее видеть, накрывает голову. Зоркость этих людей, говорят, удивительна, и они усматривают снетка на глубине трёх сажень. Если снеток выслежен, то тут вбивается в лёд “пешня”, и это место принадлежит нашедшему. Для того, чтобы опустить под лёд и протянуть под ним огромный невод в 300 саж. длины, делается около шестидесяти прорубей, расположенных правильным четырёхугольником, имеющим около ½ версты в поперечнике. Вдоль двух боков этого четырёхугольника протягивают подо льдом два наружных конца невода, а между них по середине пойдёт мешок матки, тоже под целым рядом прорубей. Две проруби особенно велики: та, в которую невод будет опущен, “подвальное корыто”, и та, в которую его поднимут, – “подъёмное корыто”» [ПЗ: 216]. Невод доставляется на озеро на «водовике» – квадратных санях. Лов начинается с опускания невода в озеро. Далее описываются действия, которые «очень характерны» для подлёдного лова. Первое – тяга невода подо льдом: «...к обоим наружным концам его, опущенным в “подвальное корыто”, привязывают жерди, снабжённые на наружных концах железными кольцами; жерди эти, длиною сажень в пятнадцать, опускаются в воду, причём концы их, снабжённые кольцами, подводятся под ближайшие две проруби, сквозь которые подхватываются они деревянными крюками, и лошади или люди тянут невод от проруби к проруби» [ПЗ: 216].

Такой способ зимнего лова рыбы схож с «техникой» подлёдного лова на Галичском озере в Костромской губернии. В качестве иллюстрации, а также для знакомства с лексикой, бытовавшей в речи галичских рыбаков, ниже приводится цитата из очерка «Галичское озеро и галичский рыбный промысел» М.Ф. Виноградова, члена Костромского научного общества по изучению местного края: «Общая длина невода достигает 104 сажень... <...> План тони таков. Сначала рубят прорубь для опускания невода; она зовётся “подпуск”... Направо и налево от неё, в то же время немного вперёд, рубят 5 малых прорубей на расстоянии 15 арш. друг от друга. Средняя из них носит имя “выманья” и служит для вытягивания верёвки от невода, а последняя называется “ушная”. От ушной по направлению тони делаются на прежнем расстоянии друг от друга 15 прорубей, из которых каждая пятая служит выманьей, а последняя, где крылья невода поворачивают навстречу друг другу, называется “бережное ухо”. Так как линии 30 боковых прорубей идут не параллельно, а сходясь немного друг с другом по направлению к концу тони, то расстояние от бережного уха

до “вытаска” или “матишны”, где вытягивают невод, включает всего 3 проруби, не считая самого “уха”. “Вытаск” отличается от “подпуска” большей шириной – 2 арш., и тем, что задний край его скошен, чтобы удобнее было вытягивать невод [Виноградов: 50]. Неводные верёвки протягиваются подо льдом «вилами» – «колыями с развилком на конце»; «принимаются они в прорубях деревянными “крюками”, а на поворотах подхватываются “воротилами” – шестами с сучками на конце» [Виноградов: 50–51]. Ловят рыбу артелью, в которой, в соответствии с видом работы, «различают: “задавальщиков”, спускающих невод в прорубь, их четверо; “пешельников”, рубящих проруби, 3–4 чел.; “лямочников”, которые тянут неводный канат с помощью лямок (двое из них – “саковники” морозят рыбу), и “жердинников”, продвигающих шесты под льдом» [Виноградов: 51].

В тексте Случевского обращается внимание на «второе характерное действие лова», заключающееся «в глядении под лёд сквозь те проруби, под которыми идёт матка невода и которые называются “глядельницами”»: «ложась на живот и накрыв чем-либо голову, один из рыбаков смотрит в воду, и если замечает, что рыбы достаточно, то машет рукою, чем даёт знать, чтобы невод тянули дальше» [ПЗ: 216].

Далее автор путевого очерка описывает впечатливший его местный обычай: «Третье любопытное действие имеет место при вытаскивании невода, и оно установлено местным обычаем и держится так же свято, как и значение “пешни” на месте, найденном кем-либо для лова. Когда невод подтянут и матка находится подле последней проруби, тогда подбегают к ней дети, бабы, старики с ковшми в руках, так называемые “кошовники”, и ловят снежок сколько кому удастся. Несмотря на то, что ковши доставляют иногда больше добычи, чем остаётся самому хозяину, никому и в голову не приходит посягнуть на обычай» [ПЗ: 216]. Подобный обычай, отмечает Случевский, «имеется и на Мурмане», и вообще находит много общего в рыбных промыслах «на ближнем Псковском озере», на далёком «Ледовитом море» [ПЗ: 215, 216].

Наличием в путевых очерках записей народной речи обусловлено включение в рецензируемую книгу объёмного лингвоэтнографического комментария, который подготовлен канд. филол. наук, доцентом Н. В. Большаковой [ПЗ: 346–367]. «Народная речь в псковском травелогe XIX в. отражена неравноценно, – констатирует учёный, предвзято изложив результаты своего исследования. – Многие тексты лишены каких-либо местных речевых особенностей, т. к. их авторы в своих описаниях преследуют другие цели, рассматривая историко-культурные, экономические, демографические вопросы. Поэтому

в данных комментариях источниками являются лишь те тексты, где в той или иной мере авторами отмечены особенности народной речи. <...> В поле зрения путешествующего наблюдателя попадают главным образом слова как местные наименования особых реалий быта, трудовой деятельности, социального уклада псковских крестьян» [ПЗ: 346].

В сюжете «Лингвоэтнографического комментария к путевым заметкам XIX в.», представленного во второй части книги, выделяются несколько линий. Вначале рассматриваются “редкие случаи фиксации особого произношения звуков”, отражённые в очерках. В частности, например, анализируется с критической точки зрения отмеченное Булгариным как «своейственное всем потомкам кривичей, северян, дреговичей и радимичей» «собственное наречие» псковичей с явлениями «дзеканья» и «цеканья» [ПЗ: 346]; комментируется с привлечением материалов «Псковского областного словаря с историческими данными» и современных исследований «вокализованный вариант топонима Псков – *Опсков*», выявленный в тексте Якушкина, и атрибутивный дериват «опскопской», зафиксированный Желиховской [ПЗ: 347–348].

Специального рассмотрения удостоились отражающие этноязыковое своеобразие псковского края этнонимы «полуверцы» и «чухонцы»/«чухна» – наименования иноязычных народов, встреченные в очерках Отто, Случевского, Якушкина. «Соседство русских крестьян с иноязычными народами – финно-угорскими и балтийскими на западе и белорусским и еврейским этносами на юге – отразилось как в речевых и повседневных стереотипах представителей взаимодействующих культур, так и в оценках самих путешественников», – отмечает автор комментариев [ПЗ: 348]. Исследование данных терминов в аспекте антинимии «свой – чужой» раскрывает её как «обычную для соседствующих этносов оппозицию... в её толерантной форме» [ПЗ: 351].

Наблюдения этнографического характера в очерке Отто с описанием «чухонской» деревни, вне сомнения, заинтригуют читателя. Интригующе и название третьей сюжетной линии в комментариях Н. В. Большаковой – «Ёлка как предмет деревенского кабака». Исследователь обращает внимание на «вскользь брошенное автором замечание о ёлке, которая выступает в качестве приметы питейного заведения» [ПЗ: 351]: «Посреди деревни стоял кабак, или круг (*der Krug*), как его зовут немцы. Все эти круги в остзейских губерниях строятся как бы по одному плану, представляя длинное здание с навесом посередине. Всякий проезжий и прохожий знает уже, что это кабак, хотя на нём нет ни вывески, ни приколоченной, порывшейся от времени и покосившейся на сторону *ёлки*. Вокруг кабака разбросаны были избы чухон, похотившие скорее на вигвамы или шалаши» [ПЗ: 159].

Захватывающее расследование провела Н.В. Большакова, чтобы дойти до истоков появления ёлки как характерного для кабака внешнего атрибута и прояснить историю происхождения ряда народных слов и устойчивых выражений (*Ёлкин, Иван ёлкин, идти под ёлку, ёлку поднять* и др.).

В материалах, представленных под заголовком «Тематические и лингвистические схождения в путевых заметках» [ПЗ: 352–367], рассматривается лексика рыболовов, промышлявших на псковских озёрах. В первом блоке показано соотношение наименований мелкой промысловой рыбы, выявленных в исследуемых текстах, с данными современных псковских говоров. Второй блок представляет результаты глубокого анализа народных названий ветров: *запад, мокрик, полуденник, северик, сточей, теплик* и др. Авторские пояснения к ним в источниках представлены либо крайне скупо, либо их вовсе нет, например, у Якушкина: «...Всякий ветер своё название имеет. <...> Это сиверик, курчавый бывает: как задует – волна курчавая, а это сточень к востоку с межного (летнего) бывает; теплик повыше востоку; это полуденник; моряк – с мокрого места, примечают: подует моряк – дождь идёт; чухонский поперечень, запад, русский поперечень – вот и все ветры... По тем ветрам все суда ходят: будары, полубударницы, троеночки, четверки» [ПЗ: 95]. Однако, как отмечает Н.В. Большакова, привлечение данных ПОС и его картотеки сделало возможным «семантизировать и даже определить систему значений большинства... наименований» [ПЗ: 358]. Обращается внимание на культурно-языковую ценность публикуемых текстов, которая «проявляется также в фиксации наименований, не зафиксированных в современных источниках: *русский поперечень* и *чухонский поперечень*, а также *вахтица*» [ПЗ: 362], и предлагаются оригинальные подходы к определению смыслового значения данных терминов. Исследователь заинтересовывает, увлекает читателя выдвинутыми гипотезами и логичностью их решения.

Псковский травелог является ценным источником для изучения как языка, так и народной культуры края, что убедительно показано в комментариях «Народные предания в псковском травелог» [ПЗ: 368–393]. «Наиболее богато представлены в путевых заметках предания. Взятые в целом, они слагаются в цикл, являющий собой устную народную историю Псковского края от Трувора и Рюрика до Александра I», – отмечает канд. филол. наук Г.И. Плошук [ПЗ: 368]. И среди авторов особое место отводит Якушкину, «Путевые письма из Псковской губернии» которого, как имеющие «исключительную значимость» [ПЗ: 390], представляют особую ценность для исследователя: «Для П.И. Якушкина фольклор – не антураж, не стилистическое украшение и даже не источник

исторических сведений. Он извлекает исторические сведения из устных рассказов, а передаёт эти рассказы целиком, с вариантами и с особенностями речи рассказчика, с контекстом, со всей ситуацией, в которой они прозвучали, с комментариями рассказчика, со своими наблюдениями, с реакцией слушателей, со своими замечаниями, в которых встают как живые народные типажи. В результате фольклорный и этнографический материал становится выражением внутреннего мира народа, его этических, исторических, нравственных представлений, а народная традиционная культура предстаёт в её живом бытовании» [ПЗ: 370]. Вполне понятно, почему большая часть исследования связана с анализом представленных в книге «Писем из Псковской губернии» Якушкина. Вне сомнения, даже лишь перечисление рассматриваемых тем свидетельствует о глубине проводимого изыскания: «Отражение характерных особенностей бытования народной несказочной прозы в тексте П.И. Якушкина», «Взаимодействие устной народной традиции и литературы» («*Предания о княгине Ольге*», «*Предание об основании Печерского монастыря*», «*Предание об Иване Грозном и святом Корнилии*», «*Предание о Грозном и юродивом Николае*»), «“Молодые” нарративы в тексте П.И. Якушкина». Отмечается, что ценные дополнения к этой картине содержат тексты других авторов [ПЗ: 390] («Предания о первых русских князьях Рюрике и Труворе», «Предание о цесаревиче Константине Павловиче и жителях Гдовщины», «Топонимические предания»). Весомость исследованию придаёт привлечение данных «псковских фольклорных экспедиций середины XX – начала XXI в.», сопоставление с которыми сведений фольклорно-этнографического характера, содержащихся в анализируемых текстах, даёт «возможность наблюдать некоторые аспекты народной традиционной культуры в их синхронии и диахронии», материалы «в ряде моментов взаимно проясняют и дополняют друг друга, позволяя полнее представить общую картину народной жизни, особенностей восприятия действительности от прошлого к настоящему» [ПЗ: 390].

Второй раздел рецензируемой книги завершается очерком канд. ист. наук И.О. Колосовой о дорогах Псковщины конца XVIII – начала XX столетия [ПЗ: 394–419]. В исторической ретроспективе описаны путешествия по сухопутным дорогам края – почтовым трактам и железной дороге, по водным путям – рекам и озёрам.

Несомненным достоинством рецензируемой книги является включение богатого и разнообразного справочного материала и иллюстраций. Н.В. Большакова приводит список источников текстов [ПЗ: 266–267], указатель топонимов – названий населённых пунктов [ПЗ: 321–327] и водных объектов (рек и озёр) [ПЗ: 328–330]. Биографические справки об ав-

торах путевых очерков подготовлены М.И. Муратовой [ПЗ: 268–275]. И.О. Колосова дополнила перечень основных авторов, тексты которых вошли в книгу путевых заметок, почти тридцатью именами, среди которых Д.В. Григорович, Г.Р. Державин, Н.С. Лесков, А.В. Никитенко, И.И. Пущин, М.В. Толстой, А.И. Тургенев и др. [ПЗ: 312–320]. Наглядно-познавательную ценность имеют представленные в разделе «Иллюстрации» [ПЗ: 422–436] карты и схемы Псковской губернии, литографии и открытки XIX в., фотографии начала XX столетия и современные. Форзац и нахзац также снабжены иллюстрациями: на первом приведена карта губернии из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1898), на втором – три карты из Атласа Псковской области (1969).

В заключение необходимо отметить, что книга вышла в свет благодаря финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».

Список литературы

Виноградов М.Ф. Галичское озеро и галичский рыбный промысел // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. 1914. Вып. 1. С. 5–58.

Даль 1 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 700 с.

ККОС – Картотека Костромского областного словаря. Хранится в учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография» Костромского государственного университета.

Крюкова О.С. К вопросу об этимологии и семантической истории слова «дистанция» и его производных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 12 (841). С. 78–87.

ПОС 1 – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1 Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. 200 с.

Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н.В. Большаковой. Санкт-Петербург: Медиапир, 2025. 438 с.

СРНГ 2 – Словарь русских народных говоров. Вып. 2 / ред. Ф.П. Сороколетов. Москва, Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1966. 316 с.

References

Bolshakova N.V. (Ed.). *Putevye zametki kak istochnik poznaniya rossijskoj provincii: Pskovshchina XIX v. glazami puteshestvennikov* [Travel Notes as a Source of Knowledge about the Russian Province: Pskov in the 19th century through the Eyes of Travelers]. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2025, 438 p. (In Russ.)

Dal V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t. T. 1* [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols. Vol. 1]. Moscow, Foreign and National Dictionaries Publ., 1955, 700 p. (In Russ.)

Kartoteka Kostromskogo oblastnogo slovarya [Card index of the Kostroma Regional Dictionary]. It is stored in the Lexicology and Lexicography Research Laboratory of Kostroma State University. (In Russ.)

Kryukova O.S. *K voprosu ob etimologii i semanticheskoy istorii slova «distanciYA» i ego proizvodnykh* [On etymology and semantic history of the word “distance” and its derivatives]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], 2020, vol. 12 (841), pp. 78–87. (In Russ.)

Pskov Regional Dictionary with historical data. Вып. 1 [Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 1]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1967, 200 p. (In Russ.)

Sorokoletov F.P. (Ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Вып. 1* [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 2]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 1966, 316 p. (In Russ.)

Vinogradov M.F. *Galichskoe ozero i galichskij rybnyj promysel* [Galich Lake and the Galich Fishery]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja* [Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the Study of Local History], 1914, vol. 1, pp. 5–58. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025; принята к публикации 13.01.2026.

The article was submitted 29.12.2025; accepted for publication 13.01.2026.